

Dzieje biurokracji na ziemiach polskich tom III

Малика С. Арсанукаева
(Российская Правовая Академия)

Становление российской системы управления в Чечне и Ингушетии в XIX – начале XX вв.

Процесс становления российской системы управления на Кавказе XIX - начале XX вв. продолжает оставаться слабоизученной страницей науки истории государства и права. Актуальность темы, показывающей насколько эффективным оказался поиск российским правительством и его кавказской администрацией наиболее приемлемых для имперского цента и горского населения учреждений управления и суда, не вызывает сомнения. Повышенный интерес к теме, отмечающийся в последние десятилетия, связан, отчасти, с теми событиями, которые произошли на Северном Кавказе в 1990-х гг., нестабильностью и чрезвычайной сложностью ситуации в регионе в настоящий период.

В целях разработки комплекса вопросов, составляющих различные аспекты исследуемой темы, автором использованы большой архивные данные и опубликованные источники.

Внимание российского имперского центра к вопросу организации управления кавказским регионом отмечалось еще в XVIII в. Именно в этот период создается Кавказское наместничество. Заметно активизировалась административная деятельность на Кавказе в начале XIX в. с присоединением Грузии (1801 г.). Вся первая половина XIX в. характеризовалась поиском наиболее приемлемых способов покорения и механизмов управления новыми подданными – «кавказскими» жителями. Процесс введения новых административных и судебных учреждениях на землях «покорных» горцев не прерывался даже во время Кавказской войны (20-60 гг. XIX в.)¹

Известный дореволюционный историк С. Эсадзе писал: «Более полувека тянулась уже своеобразная Кавказская война. Поэтому после окончания восточной компании (Крымской войны 1853-1856 гг. – А.М.), наряду с

¹ Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления, Moskwa 1997, s. 299-304.

внутренними реформами, император Александр II обратил особое внимание на Кавказ».² Покорение горцев не решало всех проблем. Оно стало лишь отправной точкой для окончательного включения горцев в «сферу российской государственности». Военно – административные учреждения и судебные органы, действовавшие в до начала и в период Кавказской войны, отвечали лишь целям завоевания края и покорения горцев любыми средствами. Существование горцев в рамках Российской империи требовало проведения целого комплекса реформ (административной, аграрной, судебной и др.). Поэтому вся вторая половина XIX — нач. XX вв. на Северном Кавказе характеризовалась наряду с другими нововведениями процессом создания системы местного управления, наиболее приспособленной к задаче слияния горцев с другими подданными империи.

Решение проблемы управления горцами российским правительством и его кавказской администрацией было найдено в ведении т.н. военно-народного управления, предполагавшего сохранение некоторой автономии горцев в вопросах управления и суда с ее последующим ограничением и приравниванием горцев к остальным подданным империи, привлечение к службе в низовых звеньях управления выходцев из горской среды при одновременном назначении на высшие должности российских военных чиновников, усилением тотального контроля на горским населением.

На выбор тех или иных учреждений управления и суда оказали влияние особенности региона, методы присоединения горских народов к Российской империи, их традиции и менталитет, специфика решаемых задач, политическая ситуация и др. Особое значение имело мнение кавказских администраторов по тем или иным вопросам государственно-правового строительства в крае, их ответственность и компетентность, знание местных языков, быта и традиций, отношение к горцам.

Задача создания российской системы управления решалась с различной степенью интенсивности в зависимости от характера проводимых реформ, ситуации в регионе, постоянно сотрясаемом горскими волнениями, и состояния отношений Российской империи с соседними исламскими государствами. Все действия кавказских администраторов были призваны обеспечить достижение главной цели - удержания горцев любыми средствами в рамках российской государственности.

Источники показывают, что особая осторожность и жесткость проявлялась в отношении вчерашних военных противников империи, в частности, чеченцев, главных союзников имама Шамиля. В определенной части российского общества, включая военных, того времени сформировалась точка зрения, что в силу своего свободолюбия, чеченцы «не могут согласиться с

² С. С. Эсадзе, *Историческая записка об управлении Кавказом*, т. 1, Тифлис 1907, с. 41.

господством над собою кого бы то ни было».³ Генерал Д.В. Пассек (1808 -1845 гг.), герой Кавказской войны объяснял такую особенность чеченского общества неприязнью к любой власти вообще, т.к. любая власть им ненавистна «уже потому, что она власть».⁴

Другой автор, знаток горцев Северо - Восточного Кавказа, Н. Семенов отмечал готовность чеченцев мириться «как с неотвратимым злом, с чужеземной властью, чем со своею национальною». Во всем этом виделась причина неудачных попыток «управлять народом при посредстве избранных из его же среды наибов или приставов».⁵ Однако все эти высказывания означали лишь поверхностное знание особенностей общественных институтов и менталитета чеченцев. Исторически, сложилось так, что отдельными чеченскими обществами приглашались «управленцы» из других горских племен на время и определенных условиях. При малейшем недовольстве приглашенные на княжение лица со своими дружинами просто изгонялись. Так произошло, например, с князьями Турловыми из Гумбета в середине XVIII в.⁶ Но это, вовсе, не означало, что чеченцы не признавали авторитетов, не поддавались организации и не имели собственных институтов управления. В примечании к своему вышеупомянутому высказыванию Н. Семенов сделал любопытную запись: «Теперь уже этого нет, но было еще в семидесятых годах». Напротив, автором отмечается эффективность общественной самоорганизации, авторитет и влияние старейшин, строгая соподчиненность чеченцев. Все это обеспечивало порядок и стабильность в отношениях членов горского общества.⁷

В начале 50-х гг. XIX в. кавказская администрация видела главную задачу на Северо-Восточном Кавказе в том, чтобы «всеми средствами содействовать восстановлению адатов и сельского управления», в соответствии «с общими задачами управления», ограничивая влияние духовенства «теми пределами, в которых оно вращалось прежде при господстве адата». Подобная осторожность объяснялась особым положением, которое успели занять в горском обществе духовные авторитеты, муиллы и кадии за время имамата Шамиля. Ислам и шариат рассматривались в качестве идейной основы мюридизма, сплотившего горцев против империи. И если Шамиль отдавал предпочтение шариату,⁸ то

³ П. М. Ковалевский, *Кавказ*, т. 1, Sankt Petersburg 1914, s. 164.

⁴ Tamże.

⁵ Н. Семенов, *Туземцы Северо-Восточного Кавказа*, Sankt Petersburg 1895, s. 86.

⁶ Н. Г. Бутков, *Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год*, cz. II, Sankt Petersburg 1869, s. 112; Н. Дубровин, *История войны и владычество русских на Кавказе*, т. I, ks. I, Sankt Petersburg 1871, s. 36-37.

⁷ Н. Семенов, dz. cyt., s. 86.

⁸ Показания Сулеймана – эфенди, бывшего сподвижника Шамиля. Zob. Р. Ризванов, *Дело Имама Шамиля*, Machaczka 1992, s. 77; М. Гаммер, *Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана*, Moskwa 1998, s. 321.

кавказская администрация решила реанимировать адат, правовые обычаи, с которыми так упорно не хотели расставаться горцы, и, прежде всего, чеченцы.⁹

В 1852 г., т.е. еще в условиях Кавказской войны, по инициативе кн. А.И. Барятинского, хорошо изучившего за время своей службы характер чеченцев¹⁰, составляется специальный проект, предполагавший:

1. - Назначение особого начальника чеченского народа с предоставлением ему помощников и необходимые средства.

2. - Создание при нем народного суда («Махкама Чачани») в составе главного кадия и трех старшин, избранных горским обществом.

3. - Учреждение округов под управлением местных старшин (наибств), а в каждом ауле – аульных старшин, подчиненных окружным начальникам.¹¹

Данный проект поспешно реализуется в том же году. Ведь «отложение» от Шамиля главных его союзников – чеченцев, означало ускорить завершение сопротивлению горцев всего Северо - Восточного Кавказа. Многие современники с восторгом отзывались о новом правлении для чеченцев. Так, А.Л. Зиссерман, биограф кн. А.И. Барятинского, писал по данному поводу: «Положение об управлении Чеченцами и суд (мехкеме) сразу заслужили полное одобрение населения. Влияние этой меры вообще благотворно, тем более, что избранные князем Барятинским для руководства учреждением штаб-офицеры Бартоломей, после Белик, с полным осознанием пользы и с усердием стремились к наилучшему осуществлению мысли князя. Положение было утверждено императором Николаем I, при чем было велено иметь в виду постепенное сближение покоряющихся с кругом обязанностей казачьей службы, приучая их подчиняться одному с казаками начальству». ¹² Однако политика сближения и дальнейшего слияния горцев с казачеством и гражданским населением края означала всего лишь создание для них единых органов управления. Вопрос об уравнивании в правах этих категорий населения не ставился вообще, что подтвердилось в более поздний период.

Известно, что еще со времен генерала А.П. Ермолова на Северном Кавказе утвердился институт приставов, назначаемых, как отмечается в одном из отчетов военного командования, «из Русских военных или Гражданских

⁹ А. Л. Зиссерман, *Двадцать пять лет на Кавказе (1842-1867). Часть вторая. 1851-1856*, Sankt Petersburg 1879, s. 434.

¹⁰ А. Л. Зиссерман, *Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. 1815-1879*, t. 1, Moskwa 1889, s. 115.

¹¹ Э. Д. Мужухоева, *Административная политика царизма в Чечено-Ингушетии во второй половине XIX-нач. XX вв.*, Moskwa 1989, s. 57, maszynopis pracy kandydackiej przechowywany w Rosyjskiej Bibliotece Państwowej w Moskwie.

¹² А. Л. Зиссерман, *Фельдмаршал князь...,* t. 1, s. 224 -225.

чиновников, или же туземцев, принявших наш образ жизни, знающих хорошо по Русски и испытанных в верности к Правительству».¹³

Приставы представляли собой низовое звено военной системы управления, и выполняли роль проводников политической линии кавказской администрации и местного начальства в отношении горцев, обеспечивая «спокойствие» в kraе, сбор податей и несение повинностей горцами. Однако одиозность многих личностей, назначаемых на указанную должность, их жестокость и беспощадность, нередко, становились поводом для волнений и недовольства горцев.¹⁴ Убийства приставов и требования их замены – типичны для того периода.

Поэтому, неслучайно, в 1856 г., т.е. на этапе завершения военных действий на Северо – Восточном Кавказе ставился вопрос об улучшении деятельности приставских управлений. Кавказская администрация признавала, что главной задачей этих учреждений является - всячески удерживать «покорных» и «отложившихся» от Шамиля горцев в повиновении. В случае необходимости, как указывается в источниках, им предоставлялось право действовать «быстро и решительно», подавлять любое возмущение.¹⁵

Ослабление сопротивления горцев Северо-Восточного Кавказа в конце 50 гг. XIX в. вплотную поставило кавказскую администрацию перед необходимостью пересмотра существующей системы местного управления горцами. Как отмечал историк С.С. Эсадзе, российское правление «в горах распространялось в горах постепенно». Признавалось необходимым выработать определенные принципы управления и введения для горцев «особой системы народного представительства».¹⁶ Таким образом, было положено начало т.н. военно-народному управлению, которое утвердилось в 1858 г.¹⁷

Кавказская администрация была озабочена тем, чтобы управление покоренными племенами не зависело от случайных и времененных начальников. Время показало, насколько обоснованными оказались эти опасения.

В 20-50 – х гг. XIX в. в высших военных кругах велась активная дискуссия по вопросу об отборе лиц, направляемых на Кавказ для непосредственного управления горцами. При этом особый ажиотаж вызывала тема, кому следует русским офицерам или же офицерам из самих горцев? В своем письме наместнику Кавказа кн. А.И. Барятинскому от 9 июля 1857 г. начальник Терской области генерал Н.И. Евдокимов высказывал свою излюбленную мысль

¹³ Российский Государственный Военно-Исторический Архив (dalej: РГВИА), zespół [dalej: z.] 846, inwentarz [dalej: inw.] 16, sygn. 6288, k. 319.

¹⁴ В. А. Потто, *Кавказская война. Ермоловское время*, t. 2, Stawropol 1994, s. 119-123.

¹⁵ Э. Д. Мужухоева, dz. cyt., s. 56-57.

¹⁶ С. С. Эсадзе, dz. cyt., s. 168.

¹⁷ Ж. А. Калмыков, *Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (конец XVIII - начало XX в.)*, Nalczyk 1995, s. 12.

о необходимости «вверять» управление самим «туземцам». В ответ князь А.И. Барятинский написал: «Передать ли управление совершенно в руки туземцев – вопрос, ибо этим мы можем удалиться от введения в будущем русских порядков, долженствующих служить к слиянию этого народа с Россиею».¹⁸

Кавказская администрация все же нашла выход. На вновь присоединенных территориях должности наибов стали замещаться одновременно русскими офицерами и выходцами из горцев, имевшими заслуги перед российским правительством. И, что важно, не были оставлены без должностей бывшие сподвижники Шамиля, его наибы. Некоторые наибы, как известно, перешли на сторону русских еще до пленения Шамиля. Самые говорчивые из них поступали на службу в органы военно-народного управления. Поддержка со стороны новых союзников, пользовавшихся авторитетом у горцев, во многом обеспечила успех первых лет послевоенного строительства. В частности, кн. А.И. Барятинский похвально отзывался о Бате Шамурзаеве, бывшем наibe Шамиля, отличившемся в должности качкалыковского наиба. За службу Бата получил самый крупный земельный надел, чины, подарки.¹⁹ По некоторым данным, другой наib Шамиля – Эски Мичикский был также отмечен военными наградами, произведен в ранг войскового старшины и находился в должности старшины нового сел. Шали, основанного за счет переселения жителей хуторов.²⁰

В 1859 г. должность наиба Малой Чечни исполнял майор Сибдулла Османов, наиба Ичкерии - подполковник А. Чермоев, наиба Большой Чечни - подполковник Вагап – Аду – наиба Большой Чечни. Все они были кадровыми офицерами русской армии, имеющими боевые заслуги и многие награды. Каждый из наибов имел помощников – мазунов, как правило, назначаемых из местных горцев.²¹

Подобные назначения стали производиться регулярно. Так, приказом военного министра по иррегулярным войскам от 30 ноября 1861 года за № 88 по высочайшему повелению «за отлично-усердную и ревностную их службу» назначались:

1. Подпоручик милиции Хассау Герзелиев – в должность наиба Качкалыковских деревень Чеченского округа, на место стоящего по армейской кавалерии Шеди Эльмурзаева.

¹⁸ А. Л. Зиссерман, *Фельдмаршал князь А. И. Барятинский, „Русский архив“*, ks. 1, wyd. 1, Moskwa 1889, s. 123.

¹⁹ А. Л. Зиссерман, *Фельдмаршал князь..., t. 2*, s. 167.

²⁰ Сведения получены от потомков бывшего наиба, проживающих в с. Шали (Чеченская Республика).

²¹ Э. Д. Мужухоева, dz. cyt., s. 69; Акты собранные Кавказскою Археографическою Комиссиею [dalej: АКАК], Tyflis 1904, t. XII, s. 1254.

2. Юнкер милиции Гамбулат Матиев – в должность Чантинского наиба Аргунского округа на место подпоручика Шахбия Чуликова.²²

С сентября 1866 года кавказскому наместнику предоставляется право самостоятельно вводить в горских округах должности наибов из офицеров регулярных и казачьих войск, в т.ч. горцев. Великий князь Михаила Николаевич, главнокомандующий Кавказской армией подчеркивал во всеподданнейшем отчете по военно-народному управлению за 1863 -1869 годы, что окончательное замещение должностных лиц горских округов выходцами из местных народов является лишь делом времени.²³

Создание опоры в среде горцев за счет «приласкания» наиболее известных и авторитетных горцев – всегда было важным направлением политики российской империи на Кавказе. Еще с XVIII в. происходило формирование военной элиты из горцев. В итоге, появился целый слой потомственных офицеров, т.н. горских или кавказских «выходцев». Многие из них получили воспитание в кадетских корпусах, проходили службу в конвоях русских императоров, кавказских администраторов и военачальников, принимали участие в военных действиях, в т.ч. против горцев. Наиболее преданные из них получили должности в органах управления, созданных на подвластных России территориях.²⁴

Кавказская администрация прекрасно понимала важность создания надежных кадров – управленицев на Кавказе, проявляла о них заботу, постоянно расширяла их полномочия. Так, 17 мая 1869 г. император выразил согласие с Положением Кавказского комитета, и предоставил офицерам регулярных и казачьих войск, занимающим должности наибов в военно-народных управлениях кавказского края «те же преимущества по службе в этих

²² РГВИА, з. 330, инв. 5, sygn. 1057, к. 3.

²³ Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказской армией по военно-народному управлению за 1863-1869 годы, Sankt Petersburg 1870, s. 7.

²⁴ П. Г. Бутков, dz. сут., cz. 1; В. А. Потто, *Кавказская война. От древнейших времен до Ермолова*, t. 1, Stawropol 1994; В. В. Крестовский, *Двадцать лет в действующей армии (1877-1878 гг.)*, Sankt Petersburg 1878; Г. К. Градовский, *Война в Малой Азии*, Sankt Petersburg 1879; М. П. Санакоев, *Страницы боевой дружбы (Осетины в русско-турецкой войне 1877-1878 гг.)*, Cchinwali 1975; Л. Ю. Бабурин, *Представители народов Северного Кавказа в составе русского офицерства в 70-90-х гг. XIX в.*, [w] Некоторые проблемы отечественной и зарубежной истории, wyd. 2, red. И. Г. Жиряков, Moskwa 1995; Х. А. Акиев, *Привилегированные сословия горцев Северного Кавказа на службе в царской армии и милиции*, [w] Вопросы истории классообразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI-начале XX вв.), Grozny 1980; Н. П. Гриценко, *К вопросу о социально-экономических отношениях в Чечено-Ингушетии в пореформенный период (поземельные отношения)*, „Известия Чечено-Ингушского НИИ”, история, t. IV, wyd. 1, Grozny 1964; В. В. Лапин, *Национальные формирования в Кавказской войне*, [w] Россия и Кавказ: сквозь два столетия, Sankt Petersburg 2001; О. Л. Опришко, *Кавказская конная дивизия. Возвращение из забвения*, Nalczyk 1999; З. Х. Ибрагимова, *Чеченский народ в Российской империи: адаптационный период*, Moskwa 2000; М. С. Арсанкуаева, *Первое поколение офицеров царской армии из чеченцев и ингушей (конец XVIII-нач. XIX вв.)*, „Научные труды. Российская академия юридических наук”, wyd. 8, t. I, Moskwa 2008; taż, *Возникновение прослойки военных у чеченцев и ингушей в конце XVIII-первой половине XIX вв., „Военно-юридический журнал”*, 2008, № 6 i in.

направлениях, которыми пользуются участковые начальники в горских округах....».²⁵

В отличие от Чечни и Дагестана соседняя с ними Ингушетия оставалась в стороне от активных военных событий 20-50-х гг. XIX в. Однако, несмотря на некоторые привилегии, предоставленные ингушам российским правительством, не все складывалось гладко. Вначале 1858 г. здесь вспыхнуло крупное восстание. Как пишет А.Л. Зиссерман, «давно покорное общество Назрановцев и полупокорные общества Галашевцев, карабулаков и Ингушей» взбунтовались против попыток поселить их большими селениями и ввести систему управления, как и у мирных чеченцев. Ингуши «возмутили соседей и призвали Шамиля». Бунт был жестоко подавлен начальником Терской области генералом Н.И. Евдокимовым.²⁶

В связи с событиями в ингушских обществах, 31 января 1858 г. Правительствующим сенатом принимается Указ об изменениях в составе управлений покорными племенами Кавказа. Ингушские племена галашевцев и карабулаков, соединенные на тот период с назрановцами, находившимися под управлением помощника начальника Военно-Осетинского округа, было решено подчинить особому начальнику из русских офицеров или туземцев с соответствующим званием и жалованьем. Исполнение Указа возлагалось на наместника Кавказа.²⁷

В результате административных реформ, проведенных царским правительством на Северном Кавказе в 50-70-е годы XIX века, здесь областное, окружное (участковое) и сельское (аульное) правления. В данном исследовании речь буде идти преимущественно об окружной системе. Начальниками Терской области, горских округов и участков, нередко, назначались чиновники, не имевшие единого мнения по поводу методов управления горцами. Все они наделялись, фактически, чрезвычайными полномочиями, проявляли чрезвычайную жесткость и прагматизм в отношениях с горцами. Редко кому из них удавалось проявить необходимую гибкость, изучить местные языки, традиции, верования. Главной задачей многих офицеров, поступающих на службу в военно-народные управление на Северном Кавказе, было либо соблюдение интересов империи любой ценой, не пренебрегая ничем, либо скорейшее продвижение по службе с получением чинов и наград.

В первые годы существования новой системы управления назначения на должность начальника округа производились по приказу начальника Терского областного управления, находившегося в подчинении командующего войсками Левого крыла Кавказской линии (упразднена в 1860 г.).²⁸ 23 марта 1860 г. кн.

²⁵ РГВИА, з. 400, инв. 1, sygn. 172, к. 11.

²⁶ А. Л. Зиссерман, *Фельдмаршал князь...,* т. 2, с. 131-218.

²⁷ РГВИА, з. 330, инв. 3, sygn. 114, к. 1-3.

²⁸ Ж. А. Калмыков, дз. cyt., с. 13.

А.И. Барятинским утверждается специальная инструкция об основных принципах и порядке управления горскими народами.²⁹ В соответствии с ней начальник округа наделялся широкими полномочиями в осуществлении военного, административного и полицейского управления. Кроме того, начальник округа с помощью подчиненного ему аппарата осуществлял общее руководство экономической, торговой и культурной жизнью вверенной ему территории. В случае отсутствия начальника округа его замещал старший помощник.³⁰

Кроме того, в штат аппарата начальника округа вводилась должность младшего помощника, заведовавшего, как правило, канцелярией управления и одновременно исполняющего должность председателя окружного суда. Все помощники назначались из числа офицеров Кавказской армии или же казачьих войск. При управлении числились два делопроизводителя, два врача - медицинский и ветеринарный, один или два переводчика в зависимости от территории и численности населения в округе.³¹ Но это было только лишь на бумаге. В 1868 г. Комитет по реформированию при Наместнике Кавказа констатировал фактическое отсутствие учреждений здравоохранения для горцев: «В горском населении никаких врачебных учреждений нет, но в каждом из восьми округов Терской области находится по одному медику».³²

В конце XIX – , особенно, в начале XX вв. в составе окружного правления значительно возрастает число офицеров из чеченцев и ингушей. Чаще всего, они занимали должности помощников начальников округов или начальников участков. Например, по данным на 1905 г., управление Грозненского округа Терской области состояло из следующих лиц: начальника округа полковника И. Д. Попова, его помощников (старшего - ротмистра Г. Григорьевича С. и младших: капитана В. И. Петропавловского, капитана А. Н. Добровольского), начальника Надтеречного участка ротмистра Ю. У. Чуликова, начальника 1-го участка штабс- капитана Фильковича, начальник 4-го участка поручика Петрова, начальник 5- го участка штабс – капитан А.П. Ипполитова, начальника 7- го участка войскового старшины Д. П. Петенко, начальника 8 – го участка поручика Виттант, начальник 9-го участка Б. – С. Тукаева.³³ В других округах Чечни выходцы из чеченцев и дагестанцев составляли большинство.

Это была все же вынужденная мера. Она была связана факторы: недовольство горцев, вспыхивавшие периодически восстания, мухаджирство, (переселение горцев - мусульман в Турцию), абречество и др. В высших административных кругах постепенно утвердилось мнение о том, что

²⁹ Э. Д. Мужухоева, dz. cyt., s. 63.

³⁰ Ж. А. Калмыков, dz. cyt., s. 30.

³¹ Tamże.

³² РГВИА, z. 400, inw. 1, sygn. 68, k. 50v.

³³ Терский календарь на 1905 год, Władykaukaz 1905, s. 9.

проблемы с горцами лучше решать, используя самих горцев. Хотя доверия у кавказской администрации даже к офицерам из горцев было мало.

Учитывая тот факт, что основная часть населения округов состояла из горцев, при начальниках округов и участков вводилась штатная единица переводчика, каковыми назначались представители из местных этносов. Многие из переводчиков показали «верность» российскому правительству и проявляли особое усердие по службе. Так, в 1864 г. начальник Терской области генерал М. Т. Лорис – Меликов представил к награждению серебряной медалью для ношения на шее словесного переводчика начальника Ингушского округа юнкер Баисангурда Дахкильгова (из «почетных» жителей Назрановского общества), находившегося на службе с 1 апреля 1850 г.³⁴

К такой же награде приказом начальника Аргунского округа подполковника А.П. Ипполитова от 28 октября 1867 г. представлялся словесный переводчик Аргунского округа чеченец Сада Мисарбиев, состоявший в данной должности с 21 февраля 1865 года. В рекомендации отмечалось: «Искренняя преданность Мисарбиева Правительству, его усердная и ревностная служба, как в настоящей его деятельности, равно и в деятельности переводчика...заслуживает поощрения...»³⁵ Жалованье переводчиков составляло 150 руб. в год.

Преимущественно из горцев состояли конвои наибов, начальников округов и участков, которые также показывали усердие по службе и несли ее с особой ответственностью. Многие из служивших в конвое чеченцев представлялись к военным чинам, правительстенным наградам и материальному поощрению. Например, 28 октября 1867 г. состоявший в конвое при Чеберлоевском наибе Мааша Мусикаева был представлен к награждению серебряной медалью для ношения на шее с надписью «за «усердие».³⁶ К такой же награде представлялся состоявший в конвое при Чантинском наибе Аргунского округа Комжей Алгатов., а.³⁷

Жалованье конвоиров составляло 120 руб. в год.

Кроме того, выходцы из местных народов замещали должности письмоводителей при наибах. Чаще всего это были духовные лица, владевшие арабской грамотой, распространенной среди горцев, пользующиеся доверием как самих наибов, так и окружного начальства. Некоторые из них также награждались правительстенными наградами и чинами. В частности, письмоводитель Чеберлоевского наиба Аргунского округа, мулла Салам - Гирей Джургиеев «за его труды при составлении камеральной ведомости

³⁴ РГВИА, з. 330, инв. 12, сунг. 228, к. 48-49в.

³⁵ Tamże, k. 204v-205.

³⁶ Tamże, k. 48-49v.

³⁶ Tamże, k. 176v-177.

³⁷ Tamże, k. 177v-178.

Чеберлоевского участка» запросом от 28 Октября 1867 г. представлялся к званию юнкера.³⁸

Государственная или охранная служба становятся весьма почетным, хорошо оплачиваемым и предоставляемым широкие возможности занятием. Горцам, служившим на военной и милиционной службе, назначались пожизненные пенсии. Более того, 15 октября 1877 г. российским императором было утверждено мнение Государственного Совета о предоставлении наместнику Кавказскому права «назначить пенсии семействам» горцев «из пенсий, коими пользовались эти туземцы при жизни, за особья заслуги Правительству». ³⁹ В конце 1880 г. этот вопрос поднимается вновь и, в конечном итоге, таковые полномочия кавказского начальства подтверждаются.⁴⁰

В 60-80-х гг. XIX в. в высших правительственные кругах разрабатывались, как уже указывалось, различные проекты политического устройства Северного Кавказа. В Кубанской и Терской областях предусматривалось создание таких административных и судебных учреждений, действие которых, распространялось бы на все население – гражданское, казачье и горское.⁴¹ По одному из таких проектов (1868 г.) население Терской области состояло из следующих групп: а) Терское казачье войско - 56.606 душ; б) городские и сельские обыватели гражданского ведомства - 19.307 душ; в) горцы - 149.745 душ.⁴² Таким образом, горцы почти в три раза превосходили по численности казачье население. И это, несмотря на их массовый отток в Турцию.

Областной центр Терской области вплоть до Октябрьской революции 1917 г. находился в г. Владикавказе. В целях усиления полицейского надзора область было предложено разделить на шесть административных округов: Владикавказский (767.200 душ) с центром в г. Владикавказе, Грозенский (54.327 душ) и Чеченский с центром в кр. Грозной, Аргунский (10.314 душ) с центром в укр. Шатой, Введенский (8.767 душ) с центром в укр. Ведень.⁴³

На окружное управление возлагались широкие полномочия: военные, административно – полицейские, общественно – политические, экономические и просветительские. В частности, по указанию кавказской администрации начальник округа в условиях военного времени формировал воинские контингенты из числа горцев, организовывал поставку лошадей и фуража в кавалерийские части, реквизировал у местного населения скот и другие сельхозпродукты для нужд фронта. В его ведении находились и регулярные воинские части, дислоцированные в пределах округа.⁴⁴

³⁸ Tamże, k. 205v-206.

³⁹ РГВИА, z. 400, inw. 1, sygn. 670, k. 6v.

⁴⁰ Tamże, k. 8v-9.

⁴¹ РГВИА, z. 400, inw. 1, sygn. 68, k. 44.

⁴² Tamże, k. 44v.

⁴³ Tamże, k. 44v-45.

⁴⁴ Ж. А. Калмыков, dz. cyt., s. 32.

Как показывают источники, кавказские управленцы сопротивлялись любой, даже небольшой потере своих полномочий. Так, циркуляром министерства внутренних дел от 12 октября 1866 г. за № 204 предполагалось изъять из ведения административных органов на Кавказе функции полицейского надзора, который предполагалось передать жандармским чинам.⁴⁵ Однако наместник Кавказа предложил свою специальную «Инструкцию», положения которой стали применяться во всех жандармских частях не только данной национальной окраины, но и по всей империи.⁴⁶

Начальник округа в своих действиях руководствовался не только специальными инструкциями для должностных лиц, но и приказами, кавказской администрации, начальника области, и исходившими от них многочисленными положениями и правилами. В 70-90-х гг. XIX – нач. XX вв., в частности, действовали: «Положение об управлении сельскими обществами», «Временные правила горских словесных судов», «Положение об аульных обществах и горском населении Кубанской и Терской областей и их общественном управлении», «Положение о сельском (аульном) управлении в Терской области и многие другие⁴⁷

Особое внимание окружным начальством уделялось обеспечению «покорности» горцев и выполнению ими российских «законоположений», соблюдению общественного порядка и пресечению беспорядков в округе в целом. Для этой цели в Терской области была создана специальная полицейская служба, состоявшая из горцев, получившая наименование постоянной милиции. В соответствии с Высочайшим положением от 22 декабря 1870 г. создается Терская постоянная милиции. Ее состав определялся ситуацией в области и горских округах или, как указывалось в Положении «действительной необходимости».⁴⁸

Милиция подчинялась начальнику Терской области, который с учетом с местных условий и необходимости, производил назначение и комплектование сотен. В положении указывалось, что милиционные части создаются: «а) для составления охранной стражи и для полицейской службы при разных начальниках управлений гражданского ведомства, б) для защиты кордонов и постов, с целью охранения сообщений, и в) для исполнения обязанностей аульных старшин и помощников их в тех частях области, где, по усмотрению ее начальника, это признается нужным». Чины милиции состояли в непосредственном подчинении местных начальников гражданского

⁴⁵ Н. П. Ерошкин, *История государственных учреждений дореволюционной России*, Москва 1997, с. 5.

⁴⁶ Государственный Архив Российской Федерации [dalej: ГАРФ], з. 110, инв. 3, сигн. 1108, к. 45

⁴⁷ Ж. А. Калмыков, dz. cyt., s. 32.

⁴⁸ РГВИА, з. 400, инв. 1, сигн. 215, к. 29.

управления», т.е. начальников округов.⁴⁹ В 1904 г. Терская постоянная милиция (г. Владикавказ) включала офицеров и стражников, в т.ч. выходцев из горцев.⁵⁰

17 декабря 1911 года главнокомандующий войсками кавказского военного округа, генерал - адъютант граф Воронцов - Дацков учредил Грозненскую охранную стражу. Стража из 112 чел. существовала на средства сельских обществ округа. Стражники назначались сроком на один год. Стража возглавлялась заведующим, и состояла из его помощника, 10 старших и 100 младших стражников.⁵¹

Все эти чины распределялись по специально установленным постам начальником Грозненского округа. Хотя Грозненская сельская охранная стража и подчинялась начальнику Терской области, фактически, находилась в непосредственном распоряжении начальника округа, а в горских участках - в распоряжении начальников участков. Заведующий стражей и его помощник избирались начальником округа совместно со специальным комитетом из шести человек, избираемым приговорами сельских обществ. Все стражники утверждались в должностях начальником Терской области. Старшие и младшие стражники зачислялись и увольнялись распоряжением начальника области по представлению начальника округа. Расформирование стражи, в случае отсутствия в ней необходимости, предоставлялось начальнику области.⁵²

При поступлении на службу стражники приводились к присяге. Все они носили отличительные знаки: на папахах номер по списку и на груди нашивку «Грозненская охранная стража». Для удостоверения личности у каждого стражника должно было быть на руках удостоверение с фотокарточкой, заверенное начальником Грозненского округа.⁵³

Заведующий стражей, его помощник и стражники обязывались оказывать полное и законное содействие как жителям Грозненского округа в случае обращения к ним, так и жителям других округов и отделов, если правонарушение свершалось в данном округе. Чины стражи задействовались при проведении следственных действий по раскрытию преступлений, организуемых по приказу администрации Грозненского округа, других округов и отделов.⁵⁴ В таких случаях старшим стражникам предоставлялись «все права и обязанности исполнительных чинов полиции по судебному преследованию виновных».⁵⁵

⁴⁹ Tamże, k. 29-29v

⁵⁰ Терский календарь на 1905 год, s. 13.

⁵¹ РГВИА, z. 400, inw. 1, sygn. 4040, k. 2.

⁵² Tamże.

⁵³ Tamże, k. 2-2v.

⁵⁴ Tamże, k. 2v.

⁵⁵ Tamże.

Заведующий стражей получал жалованье 50 руб. в мес., его помощник - 40 руб., старшие стражники - по 30 руб., а младшие - по 25 руб. в месяц.⁵⁶

Стражники несли ответственность за все правонарушения на их территории и возмещали причиненный жителям (или жителями) ущерб за счет собственных средств пострадавшим.⁵⁷

Горские общества, члены которых признавались виновными в совершении правонарушений, облагались штрафами в пользу пострадавших, в том числе милиционеров и их семей. Взыскание штрафов также входило в обязанность стражи вместе с начальниками участков и старшинами селений (аулов). Если кто либо из чинов стражи во время исполнения своих служебных обязанностей получалувечье, ему выплачивали триста рублей.⁵⁸ В случае смерти, кого-либо из чинов стражи погибал, его семья получала возмещение в размере одной тысячу рублей, взимаемого от всего населения Грозненского округа.⁵⁹

Случаев гибели стражников, как и других должностных лиц, было немало. Примером может служить рапорт начальника Веденского округа полковника кн. Коралова, поданный на имя императора (22 июня 1911 г.). В нем сообщалось, что высланные 12 июня для розыска абрека Зелимхана Гушмазукаева три стражника Терской охранной стражи, сельский старшина, четыре всадника партизанской команды и четыре добровольца из числа жителей, при въезде в селение Хорочай, внезапно были обстреляны залпом пяти злоумышленников, вооруженных трехлинейными винтовками. В ходе столкновения был убит старший урядник Магомед Хадисов из чеченцев с. Эрсеной Веденского округа.⁶⁰

В случае убийства стражниками во время преследования или задержания правонарушителей кого – либо из жителей своего округа, на примирение с кровниками им выдавалась сумма в размере 1 тыс. руб.⁶¹ В данном случае учитывался обычай кровной мести, который требовал возмещения.

13 января 1913 г. Командующий войсками Кавказского военного округа генерал-адъютант Граф Воронцов – Дацков утвердил «Инструкцию чинам Ингушской охранной стражи, Назрановского округа, Терской области».⁶² По данной инструкции на средства, ассигнованные сельскими обществами Назрановского округа приговором от 19 окт. 1912 года, учреждалась охранная стража в составе 100 человек сроком с 9 декабря 1912 года по 9 декабря 1913 года. Стража состояла из заведующего стражей, его помощника, писаря, 9

⁵⁶ Tamże, k. 3.

⁵⁷ РГВИА, z. 400, inw. 1, sygn. 4040, k. 3v.

⁵⁸ Tamże, k. 4.

⁵⁹ Tamże.

⁶⁰ РГВИА, z. 400, inw. 1, sygn. 3923, k. 20.

⁶¹ РГВИА, z. 400, inw. 1, sygn. 4040, k. 4.

⁶² РГВИА, z. 1308, inw. 1, sygn. 19243, k. 59-62v.

старших и 8 младших стражников. Стражники распределялись по постам по усмотрению начальника Назрановского округа.⁶³

Ингушская охранная стража также подчинялась начальнику Терской области, но находилась в непосредственном распоряжении начальника Назрановского округа, а в участках – в распоряжении начальников участков.

Заведующий стражей получал жалованья 30 руб. в месяц, помощник его 25 руб., старшие стражники - по 25 руб. и младшие - по 20 руб. в месяц. В целом, обязанности стражников и условия службу совпадали с Грозненской охранной стражей.⁶⁴

Как показывают архивные источники, милицейские посты, организованные и содержащиеся за счет местного горского населения, существовали, фактически, во всех окружных участках. Все это не могло не иметь своих положительных результатов. Не случайно, кавказское начальство с явным удовольствием доносило, что, начиная с 1878 года «мирное течение дел на Кавказе ни разу не было нарушено и местная администрация имела возможность сосредоточить внимание на развитие материального преуспеяния края».⁶⁵ Хотя, конечно, это утверждение было преждевременным и не совсем верным.

Административно-полицейский режим, установившийся в горских округах сразу же после окончания Кавказской войны, усиливаясь каждый раз после очередных массовых народных выступлений, регулярно сотрясавших край. Своего апогея всеобщий надзор достиг накануне и после Русской революции 1905 -1907 гг. Окружное начальство совместно с жандармерией делало все, чтобы ограничить свободу передвижения горцев, пресечь любые возмущения и недовольства, освободить край от «опасного элемента». Пользуясь предоставленным правом, местная администрация организовала массовые, групповые и одиночные высылки горцев на срок или бессрочно в арестантские роты, тюрьмы, ссылку. Чаще всего чеченцы и ингуши отправлялись на о. Чечень, во внутренние губернии и в Сибирь. Такая практика, как известно, действовала еще с 50- х годах XIX в.⁶⁶

Во второй половине XIX в., были на Северном Кавказе созданы тюремные учреждения и тюремная полиция.⁶⁷

При создании полицейских и других правоохранительных органов кавказская администрация руководствовалась законоположениями от 25 декабря 1862 года об устройстве полиций в городах и уездах, и 8 июня 1865 года о губернских учреждениях с соблюдением некоторых изъятий.

⁶³ Tamże.

⁶⁴ РГВИА, з. 1308, инв. 1, sygn. 19243, к. 59-62v.

⁶⁵ РГВИА, з. 400, инв. 1, sygn. 723, к. 22.

⁶⁶ РГВИА, з. 330, инв. 6, sygn. 708, к. 1.

⁶⁷ РГВИА, з. 400, инв. 1, sygn. 68, к. 51.

Территория Чечни и Ингушетии были разделены на несколько собственно полицейских округов. Так, Грозненский полицейский округ включал Чеченскую и Надтеречную равнины, населённую чеченцами, а также наделы казачьих станиц по рекам Тереку и Сунжа. Округ занимал третье место на Северном Кавказе по численности населения после Пятигорского и Владикавказского. В округе в середине 70-х гг. XIX в. проживало 130016 чел., преимущественно, равнинные чеченцы, составлявшие 67,8% населения. На втором месте по численности находилось казачество – 27,2 %.⁶⁸

Аргунский округ состоял из земель горной Чечни. По территории (257406 дес.) и населению (29112 чел.) был небольшим. Почти все население округа – 96,5% были чеченцы. Русское население в округе ограничивалось всего 1034 чел. Все они принадлежали к местной команде и проживали в слободе Шатой, служившей административным и торговым центром округа.⁶⁹

Веденский округ также занимал гористую местность, в его состав входили земли горных чеченцев по верхнему течению реки Басса и Хулхулау. Население округа насчитывало 26815 чел., из которых 90,8 % - чеченцы. В укреплении Ведено на службе в регулярных частях находилось 2094 чел. русских (7,8 % населения округа). Населенный пункт Ведено состоял из укрепления и слободы, был важным административным, военным, торговым и просветительским центром.⁷⁰

Административным центром Грозненского округа долгое время являлась крепость Грозная, воздвигнутая по указанию генерала А. П. Ермолова в 1818 г. В 1868 г. специальный комитет при наместнике Кавказа предложил учредить на Северном Кавказе новые города, существующие «городовые общественные управление... преобразовать, а во вновь учреждаемых вводить..., применяясь к общим существующим на сей предмет законоположениям». Во вновь учреждаемых городах: Майкопе, Нальчике, Грозном и Баталпашинске в виду «незначительности в них городских обывателей», рекомендовалось возложить обязанности по управлению хозяйственными частями на полицейские учреждения, а горожанам предоставить право избирать определенное число депутатов для обсуждения общественных дел города».⁷¹ В 1870 г Грозный становится городом, а с 1871 г. получает статус окружного города.⁷²

В 1870 г. было принято Городовое положение, которым во внутренних губерниях и столицах империи утверждалось городское общественное

⁶⁸ А. И. Хасбулатов, *Установление российской администрации в Чечне (вт. пол. XIX-нач. XX в.)*, Москва 2001, с. 49; РГВИА, з. 400, инв. 1, sygn. 215, к. 29.

⁶⁹ А. И. Хасбулатов, dz. cyt., с. 49; *Сборник сведений о Терской области*, wyd. 1, Władykauskaz 1878, s. 88-91.

⁷⁰ *Сборник сведений о Терской области*, wyd. 1, s. 99, 111.

⁷¹ РГВИА, з. 400, инв. 1, sygn. 68, к. 50.

⁷² *Сборник сведений о Терской области*, wyd. 1, s. 118, 121, 127.

самоуправление.⁷³ В 1875 г. Положение распространяется весь Кавказ. В г. Грозном, как и в других городах Терской области, создается городское общественное управление в составе: городского головы, секретаря и городского врача.

По ходатайству главнокомандующего кавказской армией великого князя Михаила Николаевича император Александр II Указом от 16 января 1875 г. упразднил «находящиеся в Терской области укрепления Грозное, Вознесенское и Назрановское...».⁷⁴

Всего в Терской области, на 1 января 1877 г. существовало шесть городов со статусом областного центра: Владикавказ, Пятигорск, Кизляр, Грозный, Георгиевск и Моздок.⁷⁵

После покушения на Александра II, совершенного народовольцами, начинается наступление на буржуазные реформы, которые были проведены в России в 60-70-х гг. XIX в. В 80-90-х гг. правительство вводит ограничения по всем направлениям государственного, политического и социального развития.⁷⁶

Период 80-х гг. XIX в. характеризовался ужесточением правительственный курса и последующим изменением системы управления на Кавказе. Упраздняется наместничество как особая форма государственно – административного устройства и предпринимаются попытки превратить Кавказ обычную российскую провинцию.

21 марта 1888 г. император Александр III подписал Указ правительющему Сенату, которым было введено новое «Учреждение управления Кубанской и Терской областей». По новому положению вся военная и гражданская власть на Кавказе вверялась Командующему Кавказским военным округом. Управление в этих областях передавалась начальнику области, который одновременно являлся Наказным атаманом Терского казачьего войска.. Новому управлению, получившему название военно-гражданского, подчинялись все категории населения: казаки, русские переселенцы и горцы.⁷⁷

Идея создания единой системы управления для всего населения Кавказа, высказывалась гораздо раньше и обосновывалась вполне объективными причинами. Так, в «Пояснительной записке к проекту положения об устройстве в Предкавказском крае двух областей Кубанской и Терской», составленной в 1868 г. речь шла о том, с «какими затруднениями сопряжены действия полицейских властей, производство следствий и суда на всем Предкавказье». В городах края, отмечается в документе, «ежедневно сталкиваются лица,

⁷³ И. А. Исаев, *История государства и права России*, Москва 1999, с. 282.

⁷⁴ РГВИА, з. 400, инв. 1, sygn. 394, к. 13.

⁷⁵ Сборник сведений о Терской области, wyd. 1, s. 112, 113.

⁷⁶ И. А. Исаев, dz. cyt., s. 299-303.

⁷⁷ З. Х. Ибрагимова, dz. cyt., s. 177-178.

принадлежащие различным ведомствам: с одной стороны купцы и мещане, с другой – горцы и казаки».⁷⁸ Редко встречаются такие дела, «в которых не были бы замешаны интересы лиц, принадлежащих разным ведомствам». Главной проблемой признавалось отсутствие координации, разобщенность и неразбериха в действиях различных административных, полицейских и судебных ведомств.⁷⁹

После 1888 г. полномочия начальников областей и округов значительно расширились. На Северном Кавказе установился жесткий полицейский режим. Наряду со Ставропольским губернским управлением утверждается Терское областное жандармское управление. Опорой репрессивного режима стали казачество и русские переселенцы, численность которых значительно возросла. В 1889, 1897 и 1900 гг. были приняты специальные законы, предоставляющие этим двум категориям населения дополнительные льготы, денежные ссуды и низкие железнодорожные тарифы.

Все это порождало глубокие противоречия между казаками, переселенцами и горцами. Взаимная неприязнь выливалась в открытые столкновения, росла напряженность между горцами и местным начальством. В 1905 – 1910 гг. состоялись съезды горцев, казачества и гражданского населения (1906-1910 гг.), проходившие в присутствии начальников округов и отделов, под председательством старшего помощника начальника Терской области и Наказного Атамана. По решению депутатов были созданы горско-казачьи смешанные и примирительные суд, действовавшие под контролем начальников округов.⁸⁰ Однако распоряжением наместника Кавказа от 20 апреля 1910 г. они были упразднены как не оправдавшие себя.⁸¹ Прощение чеченцев об их восстановлении осталось без удовлетворения.⁸² Дело было в том, на что имперский центр и его кавказскую администрацию не устраивала перспектива сближения казаков и горцев. Именно соседство с горцами, по мнению Николая II, поддерживало «в казаках их старую дедовскую удаль», именно поэтому «принимать меры к смягчению обстановки» не было «никакой надобности».⁸³

Административно-полицейский режим, установившийся в горских округах сразу же после окончания Кавказской войны, усиливается каждый раз после очередных массовых народных выступлений, регулярно сотрясавших край. Своего апогея всеобщий надзор достиг накануне и после Русской

⁷⁸ РГВИА, з. 400, инв. 1, sygn. 68, к. 38.

⁷⁹ Tamże.

⁸⁰ „Терские Ведомости”, 1909, nr 45.

⁸¹ М. М. Агишев, В. Д. Бушен, *Материалы по обозрению Горских и Народных судов Кавказского края*, Sankt Petersburg 1912, s. 136.

⁸² „Терек”, 1912, nr 4304.

⁸³ Н. П. Гриценко, *Экономическое развитие Чечено-Ингушетии в преобразованный период (1861-1900)*, Grozny 1963, s. 73.

революции 1905 -1907 гг. Окружное начальство совместно с жандармерией делало все, чтобы ограничить свободу передвижения горцев, пресечь любые возмущения и недовольства, освободить край от «опасного элемента». Пользуясь предоставленным правом, местная администрация организовала массовые, групповые и одиночные высылки горцев на срок или бессрочно в арестантские роты, тюрьмы, ссылку. Чаще всего чеченцы и ингуши отправлялись на о. Чечень, во внутренние губернии и в Сибирь. Такая практика, как известно, действовала еще с 50-х годах XIX в.⁸⁴

Для предотвращения антиправительственных выступлений на местах содержались полицейские, милиционные и воинские контингенты, действия которых координировались начальниками области и округов. В 1878 г. в г. Грозном размещались не только Грозненское окружное полицейское управление, но и штабы дислоцированных здесь воинских частей: 20-ой пехотной дивизии, Тенгинского пехотного полка, Сунженского казачьего полка; 3-й летучий артиллерийский полк; Горский словесный суд. В Грозном располагались также мировой судья (Кизлярского мирового округа 3-го участка), Грозненский полицейский пристав и др. чины.⁸⁵ В 1904 г. грозненская городская полиция возглавлялась приставом ттс. А. К.Погореловым. Его помощниками служили: кр. А. И. Дахин и С. Б. Альмурзиев.⁸⁶

В конце XIX – нач. XX вв. начальником Терской области издается целая серия приказов, направленная на усиление контроля над горцами, обеспечение общественного порядка и спокойствия. В частности, вводятся Правила о паспортах для туземцев Терской области (от 15 марта 1891 г. № 37), ограничивающие свободу передвижения горцев и их проживание за пределами своих селений (аулов). В частности, Правилами запрещалось произвольное расселение горцев и незаконное проживание в городах и, в особенности, на хуторах, «заведенных» как на землях станичных, так и сельских обществ, а также селиться без разрешения властей на участках частных собственников. Горцам разрешались только кратковременные отлучки в соседние селения или в города на базар и т.п. На более продолжительные сроки паспорта выдавались атаманами отделов и начальниками округов.⁸⁷

21 января 1893 г. начальник Терской области вносит дополнение к данным Правилам, по которому процедура выдачи паспортов была упрощена и при отлучках до месяца в пределах области увольнительные билеты выдавались по усмотрению начальникам участков. Все эти послабления

⁸⁴ РГВИА, з. 330, инв. 6, sygn. 708, к. 1.

⁸⁵ Сборник сведений о Терской области, wyd. 1, s. 118, 121, 127.

⁸⁶ Терский календарь на 1905 год, s. 9.

⁸⁷ Терский календарь на 1894 год, wyd. 3, ks. 1, Władykaukaz 1893, s. 62.

объяснялись, прежде всего, недовольством горцев, занимающихся отходничеством и торговлей.⁸⁸

Другим дискриминационным актом того времени является Положение о воспрещении горцам селиться в некоторых пунктах Терской области, высочайше утвержденное 14 мая 1893 г. В соответствии с ним всем горцам, не состоявшим на государственной службе или находящимся в отставке не в офицерских чинах, запрещалось селиться в г. Грозном и слободах: Воззвиженской, Шатое и Ведено, а также и приобретать в этих населенных пунктах недвижимое имущество.⁸⁹ На этом основании подлежали выселению из Грозного 14 чел. (еще наследники 3 лиц), слободы Воззвиженской – 6 чел., слободы Шатой – 12 чел., слободы Ведено – 2 чел.⁹⁰

Первоначально, все просьбы горцев об оставлении на жительство в указанных населенных пунктах местной администрацией безоговорочно отклонялись. В числе подавших прошение были и вполне лояльные русским чеченцы и ингуши: юнкер милиции Махмуд Гартыков, житель Грозного, прослуживший 30 лет и имеющий правительственные награды, житель сл. Воззвиженской Магомет Мутушев, воспитанник князя Святополк – Мирского, и др.⁹¹

Доверенные от чеченцев, обратившись к Главноначальствующему на Кавказе генералу – адъютанту Г.С. Голицыну, указывали на возможные отрицательные последствия закона 14 мая 1893 г. К выводу о «вредности» закона и начальник Терской области. Опасность нововведения, в конечном счете, признала и сама кавказская администрация, посчитавшая, что данный закон может вызвать концентрацию и сплоченность горского населения в округах, а его отмена, напротив, приведет к необходимому расколу и разобщенности среди горцев. В результате, 18 марта 1901 г. указанные ограничения снимаются для г. Грозного, 27 февраля 1906 г. – сл. Воззвиженской и 10 мая 1916. – слобод Ведено и Шатой.⁹²

Нерешенность многих социально – экономических проблем, в частности, земельного вопроса, нужда и бедность сопровождались ростом случаев краж, разбоев и грабежей. В этих условиях, в конце XIX в. принимается Положение «О распространении на Кубанскую и Терскую область установленных для губерний Астраханской и Ставропольской и Сальского округа области войска Донского правил об административной высылке в Восточную Сибирь лиц, обвиняемых или подозреваемых в краже лошадей и скота».⁹³ 19 ноября 1893 г. на Терскую область распространено также действие Закона об усилении

⁸⁸ Tamże, s. 63-64.

⁸⁹ Терский календарь на 1894 год, wyd. 3, ks. 1, s. 61-63.

⁹⁰ Э. Д. Мужухоева, dz. cyt., s. 127.

⁹¹ Tamże, s. 127-128.

⁹² Tamże, s. 130.

⁹³ Терский календарь на 1895 год, wyd. 4, ks. 1, Władykaukaz 1894, s. 156-157.

уголовной ответственности за похищение лошадей и кражи крупного домашнего скота. Виновные в покупке или сбыте похищенного скота подвергались лишению всех прав и преимуществ и отдаче в исправительно – арестантские отделения на срок в зависимости от тяжести совершенного ими преступления.⁹⁴

13 сентября 1893 г. командующему Кавказским военным округом предоставляется право «передавать военному суду дела о разбое, убийстве, грабежах, поджогах и вооруженном сопротивлении властям», если такие преступления совершались горцами Кавказского края.⁹⁵

Кавказской и местной администрацией регулярно принимались меры защиты жизни и имущества казачества и гражданского населения. Так, 30 сентября 1894 г. командующим войсками Кавказского военного округа принимается «Временное положение о мерах по удержанию туземного населения Терской области от хищничества и всяких насилий против нетуземного населения». Данное Положение вводило принцип коллективной ответственности всех сельчан за преступления, совершенные любым жителем как в пределах селения, так и на дорогах, ведущих к ним.

Одной из причин преступности и неповиновения в горских округах признавалось почти поголовное вооружение горцев. В конце XIX-нач. XX вв. преследование горцев за носение оружия как огнестрельного, так и дедовского, приобретает организованный и бескомпромиссный характер. Начиная с 1893 г., представителям местной власти позволяет отбирать оружие в общественных местах и с той же целью проводить обыски в домах.⁹⁶ Устанавливаются санкции в отношении лиц, не сдавших оружия по первому требованию - штрафы в размере 15 руб. не только с виновного лица, но и с каждого из его родственников - мужчин проживавших в одном селении.⁹⁷ Любое сопротивление властям заканчивалось арестом, тюрьмами и ссылкой.

В конце XIX-нач. XX вв. начальником Терской области издается множество приказов о разоружении не только отдельных горцев, но и целых селений. Так, в 1891 г. были обезоружены: сел. Сурхохи, в 1893 г. – Галашевские хутора и сел. Базоркино Сунженского отдела, сел. Старый Юрт Грозненского округа с лишением жителей этих селений носить оружие навсегда.⁹⁸ И таких примеров было очень много.

С одной стороны, это была вполне оправданная мера, т.к. у горского населения действительно сохранилось много оружия еще со времен Кавказской войны. Однако изъятия оружия проводились в очень жесткой форме.

⁹⁴ „Терские ведомости”, 1909, nr 90.

⁹⁵ Э. Д. Мужухоева, dz. cyt., s. 124.

⁹⁶ Tamże, s. 123.

⁹⁷ Tamże, s. 123-124.

⁹⁸ Терский календарь на 1894 год, wyd. 3, ks. 1, s. 64.

Администрация округов не находила нужным учитывать менталитет горцев и то значение, которое на Кавказе издревле придавалось оружию, настолько прочно слившемуся с обликом горца, что стало обязательным элементом национального костюма. Кроме того, оружие служило горцам почти единственным средством защиты семьи и имущества от преступных элементов. Ведь не в каждом селе или ауле стояли военные, полицейские или милиционные части.

Кн. Г.М. Туманов отмечал по данному поводу: «Многие полагают, что причиной учащенных преступлений на Кавказе является вооруженность значительной части местного населения. Отсюда выводится заключение, что необходимо возможно скорее разоружить туземцев. Но это мнение едва ли можно считать основательным... Очевидно, что разоружение приведет... к увеличению преступлений».⁹⁹ Многие дела, рассмотренные военными судами на Кавказе в начале XX в., были связаны с сопротивлением горцев, оказанным должностным лицам при изъятии оружия. Часто такие действия заканчивались трагично, а виновные лица приговаривались к смертной казни через повешение, тюремному заключению, ссылке.

Ссылки «порочных» горцев стали практиковаться еще в период Кавказской войны. Повелением российского императора, объявленным генералу - фельдмаршалу князю М.С. Воронцову, в сентябре 1848 года, Главнокомандующему Кавказской армией разрешалось «ссыпать за преступления Кавказских горцев без суда и следствия, административным порядком, на жительство во внутренние губернии России, под наблюдение полиции, без всякого ограничения относительно того, имеют ли виновные чины и ордена».¹⁰⁰ Позже вводилась срочная ссылка горцев в военно - арестантские роты, «за содеянные ими преступления». По истечении срока, ссылочных, не вызывавших нареканий, с согласия возвращались местного начальства возвращались на родину. Так называемых «неодобренных» было решено «поселить в Сибирь» навечно.¹⁰¹

По правилам, Высочайше утвержденным 27 февраля 1869 г., горцам, находящимся в военно-арестантских ротах, за исключением сосланных по «политическим причинам», предоставлялось право возвратиться на родину, если они за это время не совершили новых преступлений, и поступило разрешение кавказского начальства.¹⁰²

Впоследствии горцы из Терской области, приговоренные военными судами к работам в крепостях, как правило, отправлялись в Брест-Литовск.¹⁰³

⁹⁹ Г. М. Туманов, *Разбои и реформа суда на Кавказе*, Sankt Petersburg 1903, s. 14-15.

¹⁰⁰ РГВИА, з. 1, инв. 1, sygn. 25284, к. 1-1v.

¹⁰¹ РГВИА, з. 330, инв. 11, sygn. 547, к. 108.

¹⁰² РГВИА, з. 330, инв. 14, sygn. 250, к. 2-3v.

¹⁰³ Там же, к. 108v.

Число осужденных и приговоренных было огромным по отношению к общей численности самих горцев. Нередко это были подростки и престарелые люди.

Сохранилось немало прошений горцев и их родственников в адрес наместника на Кавказе и к другим должностным лицам с просьбами о помиловании, освобождении от судимости и возвращении домой.

Как уже указывалось выше, население Северного Кавказа было разнородным. Кавказская администрация находила опору не только в местной горской элите, но и казачество и русских переселенцах, которые противопоставлялись коренным этносам.. Процесс изъятия горских земель под казачьи станицы и слободы, начавшийся еще в XVIII в. и, особенно активизировался в период и после Кавказской войны. Казачьи станицы и поселения для гражданских лиц создавались на горских землях, в местах, имевших, по мнению командования, стратегическое значение. Они были вкраплены в горские общества для того, чтобы достичь разобщения и облегчить подавление отдельных горских обществ и племен. Плохо контролируемый процесс переселения как русских из внутренних губерний, так и казачества привел к обострению земельной проблемы и стал причиной напряженности и конфликтов между различными этносами. Горцы видели, какие преимущества предоставлены казачеству и все это становилось причиной многих негативных проявлений.

В условиях начавшейся первой Русской революции (1905-1907 гг.) и крайнего обострения ситуации в стране, в т.ч. и на Кавказе, восстанавливается институт наместничества. 26 февраля 1905 г. должность наместника занял генерал – адъютант граф И.И. Воронцов-Дашков, ранее служивший на Кавказе. Централизму гр. И.И. Воронцов-Дашков вновь противопоставил регионализм.¹⁰⁴ Новый наместник получил самые широкие гражданские, военные и судебные полномочия. Борьбу с революционным движением возглавил помощник по полицейской части.¹⁰⁵

Государственный переворот 3 июня 1907 г. означал поражение Первой русской революции (1905-1907 гг.) и начало Столыпинской реакции. В этот период царское правительство и его кавказская администрация предпринимают целый ряд мер по подавлению революционного движения. Приказом наместника от 7 июня 1907 г. в крае вводится чрезвычайное положение. 15 июня того же года временный генерал – губернатор Терской области объявил ее на военном положении. Для возвращения порядка учреждались должности временных генерал – губернаторов и временные (в т.ч. в г. Грозном) карательные отряды.

¹⁰⁴ Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова, Sankt Petersburg 1907, s. 158.

¹⁰⁵ Н. П. Ерошкин, dz. cyt., s. 260.

22 июня 1909 г. военное положение отменяется, а взамен в силу Высочайшего указа Правительствующему Сенату от 17 июня 1909 г. вводится положение усиленной охраны. В соответствии с новым положением издается и ряд обязательных для Терской области постановлений. По одному из них: «О наблюдении за внутренним порядком в домах» владельцы «недвижимых имуществ Терской области» или ответственные управляющие обязывались извещать немедленно местные участковые полицейские управление о всех чрезвычайных происшествиях; о подозрительных домах сходках и собраниях и т.д.. В случае нарушения настоящего постановления виновные подвергались взысканию штрафа до 500 руб. или аресту до 3-х мес.¹⁰⁶

В выполнении всех этих Положений и Правил, направленных на поддержание спокойствия в крае, особая роль отводилась окружному и участковому начальству.

Наряду с другими полномочиями начальники округов выполняли судебные функции. 30 декабря 1869 г. был издан Высочайший Указ Правительствующему Сенату, которым предусматривалось распространение в Кубанской и Терской областях судебных уставов 20 ноября 1864 г.¹⁰⁷ С 1870 г. в разных частях Кавказского края вводились судебные учреждения для горцев. В Терской и Кубанской областях они получили название горских словесных судов.¹⁰⁸

Горские словесные суды действовали в составе председательствующего, которым являлся начальник округа или его помощник, трех членов суда из числа лиц, избранных горским населением и кадия. По некоторым данным, обязанность председателя в словесном суде нередко исполняло лицо, не имевшее к нему никакого отношения.¹⁰⁹ Так, в Грозненском горском словесном суде при отсутствии председателя его обязанности неоднократно исполнял подпоручик, «магометанин», помощник командира сотни милиционеров.¹¹⁰ Сами начальники округов и их помощники не всегда были готовы выполнить должным образом свои обязанности.¹¹¹ Юридическая неподготовленность председателей горских словесных судов чувствовалась и самими депутатами. Все это не прибавляло авторитета самому суду.¹¹² К этому следует незнание или же поверхностное знание местного языка, адатов и шариата, по которым решались споры между горцами.

¹⁰⁶ „Терские Ведомости”, 1909, pg 88.

¹⁰⁷ А. А. Кануков, *Законодательные акты, касающиеся Северного Кавказа и, в частности, Терской области, Wladykaukaz 1914*, s. 21.

¹⁰⁸ Н. М. Рейнке, *Горские и словесные суды Кавказского края*, Sankt Petersburg 1912, s. 7.

¹⁰⁹ М. М. Агишев, В. Д. Бушен, dz. cyt., s. 139.

¹¹⁰ Н. М. Рейнке, dz. cyt., s. 14.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Агишев М.М., Бушен В.Д., dz. cyt., s. 139.

Начальник округа и другие офицеры окружного аппарата управления, председательствующим в суде приходилось в первую очередь выполнять свои полицейские или другие административные обязанности в ущерб судебным.¹¹³ По этой причине слушание дела постоянно прерывалось или откладывалось. Процесс, таким образом, затягивался. «Самые добросовестные из них, - отмечает Н. Рейнке, - глубоко сознавая свою беспомощность в судебном деле, крайне им тяготятся».¹¹⁴

Временные правила 1870 г. определяли обязанность и ответственность председательствующего, т.е. начальника округа (его помощника).¹¹⁵ Делопроизводство велось на русском языке письменным переводчиком или делопроизводителем окружного полицейского управления, назначаемым начальником округа с привлечением в случае необходимости кадия.¹¹⁶ В обязанность председателя горского словесного суда входило также составление ежегодных отчетов о движении судебных дел для начальника области, Общий отчет отправлялся к 1 марта в канцелярию Наместника Кавказа.

Принцип разделения административной и судебной властей, провозглашенный Судебными уставами 1864 г. не действовал на Кавказе вплоть до 1904 г. По Высочайшему Указа от 12 декабря 1904 г. он вновь подтверждается. Первой инстанцией суда в России, как предполагалось в новом проекте реформирования судебной системы, должны были стать мировые суды.¹¹⁷

Важной сферой деятельности окружного и участкового начальства являлся надзор за деятельностью системы школьного образования и культурно-просветительской деятельностью местной интелигенции. Контингент учащихся горских школ (Грозненской и Назрановской) набирался исключительно под наблюдением начальника округа или отдела.¹¹⁸ Однако задача просвещения горского населения так и осталась нерешиенной. В обращении правления Общества распространения образования и технических сведений среди горцев от 15 февраля 1883 г. указывалось: «Школ сравнительно с численностью туземного населения на Северном Кавказе очень мало, да и те, вследствие разнообразных затруднений, плохо удовлетворяют своему назначению. Средних учебных заведений – ее меньше; всех желающих поступить туда, они далеко не могут вмещать. Профессиональных и технических школ совсем нет».¹¹⁹ Мало что изменилось и в начале XX в.

Одновременно с введением областных и окружных правлений создавалось и сельские (аульные). Пользуясь почти неограниченными правами,

¹¹³ Tamże, s. 138.

¹¹⁴ Н. М. Рейнке, dz. cyt., s. 15.

¹¹⁵ РГВИА, z. 400, inw. 1, sygn. 245, k. 1-1v.

¹¹⁶ Tamże, k. 1v.

¹¹⁷ Всеподданнейшая записка..., s. 129.

¹¹⁸ Tamże, s. 34.

¹¹⁹ Государственный Исторический Музей, z. 372, sygn. 15, k. 217.

окружное управление контролировало выборы сельских должностных лиц. Приговоры сельских сходов принимали законную силу только в том случае, если они утверждались начальником округа.¹²⁰ До 1906 года кандидатуры на должности старшин набирались и представлялись к утверждению в областное управление для назначения начальниками участков и округа. Начиная с 1906 года, старшины стали избираться в самих сельских обществах. Однако под разными предлогами окружным начальством могли производиться и назначения т.н. «правительственных» старшин.

Начальники участков контролировали деятельность также сельских судей, мулл и кадиев. Кандидаты в судьи, избранные на сельских сходах, утверждались начальником Терской области и приводились к присяге участковыми начальниками. Исполнение решения сельского суда, если оно оказывалось неугодным начальнику участка, могло быть приостановлено или отменено, а к судьям применено взыскание.

Участковые начальники контролировали своевременное поступление от горского населения налогов, расходы, производимые из сельских «общественных сумм», выполнение населением установленных для них повинностей. В начале XX в. начальники округов обязывали старшин регулярно докладывать участковым начальникам о состоянии сбора налогов с населения. Участковые начальники, в свою очередь, отчитывались по данному вопросу в окружноеправление к 10 числу каждого месяца. За несвоевременное представление ведомостей сбора налогов с населения начальники участков могли наложить денежный штраф на старшин и писарей. Средства из числа т.н. «мирских сборов», собранные от горцев, аккумулировались в так называемых «денежных сундуках» и находились в ведении начальника округа.¹²¹ Так, в приказе начальника Введенского округа от 28 марта 1917 г. указывалось: «Выдать заимообразно младшему моему помощнику Шеппи Борщикову из окружных сумм сорок пять руб... на нужды Грозненского Суда впредь до получения им остатка денег Горского суда от бывшего помощника Начальника Веденского округа Мальсагова...».¹²² В приказе от 29 марта 1917 г.: «Вынуть из денежного сундука двадцать шесть руб. 67 коп. для выдачи стражнику Терской охранной стражи Межиду Абакарову...».¹²³

Участковые чиновники были обязаны заниматься также и хозяйственными вопросами: организацией «хозяйственного» быта жителей, разрешением земельных споров внутри сельских обществ, определением состава посевных культур, соблюдением границ поселений, сдачей в аренду излишков пастбищных угодий и т.д.

¹²⁰ Ж. А. Калмыков, dz. cyt., s. 38.

¹²¹ РГВИА, z. 400, inw. 1, sygn. 4632, k. 10.

¹²² Tamże, k. 12v-13.

¹²³ Tamże, k. 13.

По своей форме и содержанию областные, окружные и участковые органы власти на Северном Кавказе представляли собой институты военно-колониальной системы управления. Начальники округов, его заместитель и начальники участков совмещали административные, судебные, военные, полицейские, хозяйственныe и просветительские функции.

Неограниченные права, предоставленные им, пренебрежение к горцам, неуважение их традиций неизбежно, порождали произвол и, как следствие, протесты со стороны горцев. В частности, в петиции, направленной в Комитет Министров кавказские мусульмане писали, что в кавказскую администрацию назначаются «лица, совершенно недостойные по своим умственным, образовательным качествам к административной деятельности. Это люди большей частью выгнанные со службы из ведомств. Чиновники по незнанию местного языка, быта и нравов совершенно не удовлетворяют своему назначению и в своей деятельности руководствуются не законами государства, а соображениями своего бюрократического начальства».¹²⁴

Негативную оценку местной администрации дал в своей речи на одной сессии Государственной Думы Т. Эльдарханов, депутат от горцев Северного Кавказа: «Управляют нами военные чины, отбросы армии, которые ничего общего с народом не имеют, не заинтересованы в судьбах народа, и в деле смягчения нравов и обычаев народов ими не сделано буквально ничего».¹²⁵

Другой представитель горской интелигенции А.Х. Цаликов, также в весьма резких тонах характеризовали местную власть: «Если низшая сельская администрация представляла собой отбросы общества туземного и казачьего, то участковая вмешивала в себе отбросы военной и чиновной среды...И все эти начальники пользуются почти властью почти неограниченной, расправляются с населением, как благородствуя...».¹²⁶

26 февраля 1905 г. должность Кавказского наместника занял генерал – адъютант граф И.И. Воронцов-Дашков, служивший ранее на Кавказе, получивший широкие гражданские и военные полномочия.¹²⁷ Наместник вынужден был признать, что должностные лица, служившие в последние десятилетия на Северном Кавказе, не были «в состоянии совмещать в себе все функции административной деятельности государства по благоустройству сельских местностей».¹²⁸ Однако существующая система управления так и была заменена вплоть до Октябрьской революции 1917 г.

¹²⁴ В. С. Дякин, *Национальный вопрос во внутренней политике царизма в XIX-нач. XX вв.*, Sankt Petersburg, 1998, s. 626-627.

¹²⁵ Государственная Дума. Стенографический отчет. Сессия первая, т. 2, Moskwa 1906, s. 1235-1236.

¹²⁶ А. Х. Цаликов, *Кавказ и Поволжье. Очерки инородческой политики и культурно-хозяйственного быта*, Moskwa 1913, s. 77.

¹²⁷ Н. П. Ерошкин, dz. cyt., s. 260.

¹²⁸ Всеподданнейшая записка..., s. 126.

Таким образом, во второй половине XIX – XX вв. на Северном Кавказе, в т.ч. в Чечне и Ингушетии установилась новая система органов правления, включавшая три уровня: областное, окружное (участковое) и сельское (аульное). В целом, она проявила достаточно эффективно в плане решения основных задач империи в регионе – удержания горцев в рамках империи любой ценой и уравнивания их во всем с другими подданными империи в самый кратчайший срок. Местной администрации были подчинены все имеющиеся ресурсы, в т.ч. административный, судебный, полицейский и даже военный.

Невероятная сложность управления горцами, многие из которых, не имея государственности, привыкли жить веками по своим традициям, и были недавними военными противниками Российской империи, объясняет те крайности, в которые впадало как кавказское, так и местное начальство. Сказывалась общая непродуманность горской политики и ее зависимость от личной позиции каждого кавказского управленца, начиная от наместника (Главноуправляющего, Главноначальствующего) до начальника области и округа. Реформы в России, в т.ч. и на Кавказе, в конечном счете, зависели от воли российских императоров, их окружения и местных чиновников.¹²⁹

В кавказской политике, как и вообще в отношении имперского центра к национальным окраинам, во второй половине XIX - нач. XX вв. наиболее четко оказывается противоречие двух тенденций – централизма и регионализма. Одной из важнейших ошибок российского правительства и его кавказской администрации следует признать игнорирование особенностей северокавказского региона и попытки уравнивания его во что бы то ни стало с внутренними губерниями, а горцев – с остальными подданными России.

Тот факт, что, несмотря на принимаемые меры, все же не удалось до конца решить проблемы создания наиболее приемлемой формы управления горцами, конечно же, объясняется и тем, что промежуток времени, в течение которого горцы находились в составе империи, был слишком коротким для задачи. Форсированный характер и недостаточная продуманность действий – еще одна черта и явный недостаток, имевший весьма негативные последствия, характерный для региональной политики российского правительства.

Кавказской администрации и местному начальству, несмотря на многие, безусловно, положительные начинания все же не удалось решить главную задачу – завоевать доверие горцев к власти и создать им, также как и другим подданным, благоприятные условия жизни в составе империи. Крайне жесткий режим контроля и надзора, установившийся в горских округах, негативно отразился на общем положении горцев, их повседневной жизни и быте. Бедность и бесправие – стали типичным явлением.

¹²⁹ М. Раев, *Понять дореволюционную Россию (Государство и общество в Российской Империи)*, Londyn 1990, s. 220.

Wprowadzanie rosyjskiej administracji w Czeczenii i Inguszetii

Совершенное неуважение к личности горского жителя, игнорирование их менталитета, образа жизни, традиций, характерное для большинства чиновников, оборачивались для них многочисленными приговорами к смертной казни, арестами, тюремными заключениями, ссылками.

Streszczenie

Wprowadzanie rosyjskiej administracji w Czeczenii i Inguszetii w XIX – na początku XX wieku

Proces politycznego podporządkowywania Kaukazu Północnego trwał aż do lat 60. XIX stulecia. Sam fakt rozciągnięcia władzy państwa rosyjskiego nad Kaukazem nie rozwiązywał wszystkich problemów, szczególnie odnoszących się do tamtejszych „górali”. Funkcjonowały tam skomplikowane formy życia społeczno-gospodarczego i politycznego. Ludność stanowili poza rdzennymi „góralami”, osadnicy kozacki i koloniści („osadnicy cywilni”). Tworzone i działające tam, rosyjskie organy administracji wojenno-administracyjnej oraz sądownictwa, w czasie trwania tzw. wojny kaukaskiej służyły jedynie celom szyszkiego podporządkowania tego terytorium imperium Romanowów. Po zakończeniu wojny należało przeprowadzić szereg reform administracyjno-gospodarczych i sądowych umożliwiających zniszczenie odrębności „górali” i włączenie ich w realia istniejącego systemu polityczno-administracyjnego Rosji. Stąd też cała druga połowa XIX i początek XX w. na Północny Kaukazie to okres kształtowania zarządu nad „góralami” ułatwiającego ich rusyfikację. Wpływ na ten proces miało szereg czynników takich jak specyfika danego regionu, metody podporządkowania narodów mieszkających w górach, ich tradycja i mentalność, wyznanie, aktualna sytuacja polityczna itp. Na początku lat 50. XIX w. na Północno-Wschodnim Kaukazie, z inicjatywy ks. A. I. Barjatynskiego, zrealizowano projekt stworzenia szeregu instytucji nadających narodowi czeczeńskiemu pewne formy własnego sądownictwa i samorządności. Celem takiego posunięcia było osłabienie wpływów Szamila na Czeczenów. Rząd carski uzyskał niewątpliwą sukces, doprowadzając do osłabienia oporu na Północno-Wschodnim Kaukazie. Kolejnym krokiem było przeprowadzenie zmian w istniejącym zarządzie lokalnym. Stąd też w 1858 r. zatwierdzono do realizacji przepisy o stworzeniu tzw. zarządu wojskowo-ludowego. Dyskusje nad ustanowieniem skutecznej administracji plemion górskich na Kaukazie nie ominęły kwestii doboru odpowiednich urzędników. Zastanawiano się czy na powstające funkcje mianować oficerów narodowości rosyjskiej czy też pochodzących z Kaukazu? Ostatecznie zastosowano system mieszany, uzależniając wybór od stopnia oddania służbie. Stosując metodę nadawania szeregu przywilejów dla oficerów pochodzących z Czeczenii i Dagestanu, Petersburg dość szybko uzyskał oczekiwane efekty w postaci uspokojenia sytuacji na tym obszarze.

W sąsiadującej, z Czeczenią i Dagestanem, Inguszetii nie doszło w pierwszej połowie XIX w. do zbyt nasilonych wystąpień zbrojnych przeciw władzy rosyjskiej. Pomimo szeregu przywilejów nadanych przez rząd carski Inguszm, sytuacja polityczna w tym regionie nie należała do spokojnych. W 1858 r. doszło do powstania, które zostało dość szybko i krwawo stłumione. Petersburg na to wystąpienie odpowiedział przeprowadzeniem reformy zarządu wojenno-administracyjnego na tym terenie. Naczelnicy okręgowi działający w ramach zreformowanej administracji lokalnej w Czeczenii, Dagestanie i Inguszetii posiadały szerokie pełnomocnictwa odnoszące się do zarządu wojskowego, administracyjnego i policyjnego a także wpływ na kwestie gospodarki i kultury. Naczelnika okręgu zastępował pomocnik, który zarazem piastował funkcję prezesa sądu okręgowego. Etyci naczelnika, jak i jego pomocników były obsadzane przez oficerów armii kaukaskiej, także formacji kozackich. W świetle przepisów w skład zarządu okręgowego mieli wchodzić: dwaj lekarze (medycyny i weterynarii) oraz tłumacze. W rzeczywistości dla „górali” nie stworzono jakichkolwiek instytucji ochrony zdrowia. Pod względem pochodzenia funkcjonariuszy aparatu administracyjnego, ukształtowanego w latach 50.

Wprowadzanie rosyjskiej administracji w Czeczenii i Inguszetii

XIX w., w kolejnych dekadach zauważalny był stopniowy wzrost liczby osób reprezentujących miejscową ludność. Zajmowali oni stanowiska naczelników okręgów, ich pomocników, naczelników rewiowych, tłumaczy, członków straży konwojowych, czy też urzędników kancelaryjnych na najniższych szczeblach omawianej administracji. W ostatnich trzech dekadach XIX stulecia w stosunku do obszaru Północnego Kaukazu (obwodu tereckiego i obwodu kubańskiego) przeprowadzono szereg zmian w funkcjonowaniu administracji terenowej i sądownictwa najniższych szczebli. Zreorganizowano również zasady działania różnych organizacji społecznych. Szczególnie dużo uwagi skupiano na kwestii utrzymania bezpieczeństwa na tym obszarze. Stąd też w grudniu 1870 r. stworzoną tereką milicję stałą. Do jej zadań należało pełnienie obowiązków policyjnych przy różnych urzędach administracyjnych, ochrona szlaków komunikacyjnych poprzez sprawowanie dozoru nad kordonami i posterunkami. W 1911 r. zdecydowano się na powołanie straży ochronnej w Groznym. Dwa lata później analogiczna formacja została stworzona na obszarze Inguszetii. Na Północnym Kaukazie poczawszy od końca lat 50. XIX w. zaczęto wprowadzać różnorodne urzędy administracji ogólnej i specjalnej oraz instytucje samorządowe, działające od pewnego czasu na rdzeniu rosyjskich obszarach imperium. Wprowadzono np. zarząd i policję więzenną. W 1875 r. zdecydowano się na wprowadzenie samorządu miejskiego (dum miejskich).

Gdy po 1881 roku nastąpiły rządy reakcji również Kaukaz został dotknięty tymi zmianami. W 1888 r. zreorganizowano zarząd w obwodzie tereckim i kubańskim. Bardzo szerokie pełnomocnictwa uzyskali naczelnicy obwodów i okręgów, którzy mogli ingerować już we wszystkie sfery życia społeczno-gospodarczego i kulturalnego. Ustanowiono surowy reżim policyjny i ścisłą kontrolę życia i działalności „górali”. Rewolucja lat 1905-1907 przyniosła kolejne zmiany, których celem było dążenie do szybszej rusyfikacji „górali”, co zresztą negatywnie wpłynęło na stosunki narodowościowe na tym obszarze. Wieloletnie dążenia rządu carskiego do zrusyfikowania i asymilacji ludności górskiej z Północnego Kaukazu spełzły na niczym. Sytuacja zaś miejscowej ludności uległa znacznemu pogorszeniu pod względem gospodarczym, społecznym i politycznym.